

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

кандидата философских наук Антуха Геннадия Геннадьевича
на диссертацию Бердаус Светланы Владимировны
«Соотношение теоретического и практического в феноменологии Гуссерля:
аналитический подход»,
представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук
по специальности 09.00.03 – история философии.

Диссертационное исследование С.В. Бердаус посвящено вопросу соотношения теоретического и практического в феноменологии Гуссерля. Защищается точка зрения, согласно которой Гуссерль стал одним из инициаторов практического поворота в философии XX века, послужившего причиной пересмотра отношения между теорией и практикой в новейшей философии. Как результат, граница между теорией и практикой в современной философской литературе предстает менее уловимой, а акцент исследовательского внимания смещается в сторону так называемого постметафизического дискурса. В этой связи феноменологический проект Гуссерля оказывается в особенной позиции – он несет в себе черты новой философии в виде включения практических элементов в теоретическое знание, но вместе с тем опирается на традиционные подходы к философским задачам. Проблема, на решение которой направлено диссертационное исследование С.В. Бердаус, определяется потребностью прояснения степени и характера трансформации теоретического и практического знания в феноменологии Гуссерля. Поскольку вопрос о зависимости теоретического знания от реальных субъективно-психологических мотивов познания является общезначимым для философских и научных изысканий, а практический элемент по умолчанию расценивается в качестве важной составляющей теории (в том числе и научной), фундаментальная значимость выбранной темы не вызывает сомнений.

Структура диссертации определяется предметом (соотношение теоретического и практического знания в феноменологии Гуссерля) и объектом исследования (феноменология Гуссерля в ее дисциплинарном и трансцендентальном аспектах), что ясно отражено в названии глав работы. Цель и задачи диссертации сформулированы в соответствии с поставленной проблемой.

В первой главе «Дисциплинарный аспект феноменологии Гуссерля» соискатель обращается к проблеме понимания практики у Гуссерля и к феноменологическому проекту наукоучения.

Вторая глава «Трансцендентальный аспект феноменологии Гуссерля» посвящена рассмотрению проблемы соотношения теоретического и практического в плоскости трансцендентальной феноменологии. На основе концептуально-терминологического анализа показана специфика понимания в рамках феноменологии категории разума и категории трансцендентального. В полемическом ключе представлен анализ концепции практической интенциональности Нам-Ин Ли. Осуществлена концептуализация специфического способа обоснования знания в феноменологии посредством рассмотрения этой проблемы в рамках современных дискуссий, складывающихся вокруг фундаментализма и нефундаментализма.

В *Заключении* делается вывод о том, что Гуссерль был инициатором новой, неклассической традиции интерпретации практической философии. В его системе практика понимается как вид теории, а теория во многом определяется практикой, интерпретируемой через призму опыта сознания.

Диссертационная работа С.В. Бердаус выполнена на высоком исследовательском уровне. Неоспоримым достоинством работы выступает разнообразие теоретического материала, часть из которого – что немаловажно – изучалась на языке оригинала. Достоверность полученных результатов обеспечивается широким охватом литературы и полагается как на современные исследования, так и на первоисточники. Обоснованность полученных выводов подкрепляется работой с архивными материалами и серией опубликованных автором статей. Положения, выносимые на защиту, обладают оригинальностью и новизной, что свидетельствует о самодостаточности развиваемых автором взглядов. Текст диссертации прозрачен, доступен, исполнен высоким академическим стилем с глубокой проработкой терминологической историко-философской части. Нельзя не отметить внимательное отношение автора к хронологии анализируемых событий, затрагивающей не только происхождение научной аргументации, но и роль личности в истории становления одного из самых влиятельных направлений в философии XX века.

При всех достоинствах диссертационной работы С.В. Бердаус, ряд замечаний все же следует высказать.

Первое, но, пожалуй, далеко не самое важное замечание, касается формулировки актуальности исследования, которая, как представляется, в полной мере не отражает современных запросов на исследование избранной темы. Несмотря на фундаментальную значимость проблемы соотношения теоретического и практического, вопрос о необходимости изучения гуссерлевского наследия в свете данной проблемы для меня остается открытым. Между тем отмечается, что «поставленные Гуссерлем задачи до сих пор в полной мере не решены» [с. 7]. Спрашивается, если их не решил сам Гуссерль, почему за вековой данностью их должен решать кто-то другой?

Второе замечание относится к части интерпретации концептуального содержания объекта исследования. В первом параграфе первой главы диссертации отмечается, что практический поворот в философии XX века выражается в отказе от абстрактного теоретизирования в пользу осмысления предметно-деятельностного содержания опыта. Указывается, что сам Гуссерль, будучи одним из инициаторов данного поворота, не только выступает против спекулятивно-идеалистической линии чистой философии, но, более того, «отказывается... работать с так называемыми интеллигибельными объектами познания, о которых писал Платон» [с. 23]. Однако в литературе можно встретить прямо противоположное мнение, где Гуссерль характеризуется как представитель платонического или математического реализма. По моему мнению, такая характеристика гуссерлевской философии справедлива, по крайней мере, в отношении периода логико-философских исследований и критики психологизма. Суть же замечания даже не в этом расхождении. Во втором параграфе этой же главы рассказывается о «присущем ранней феноменологии сосредоточении на чистой идеальной области, выведенной за пределы эмпирической и антропологической обусловленности» [с. 41-42]. И тут же – в заключении параграфа – резюмируется: «Говорить о приоритете теории по отношению к практико-

нормативными наукам в феноменологии нет возможности, поскольку для Гуссерля логика не сводится к чистому знанию, но также подразумевает принципы производства знания»[с. 56]. Как представляется, в этой части исследования недостает ясности в однозначной оценке гуссерлевской позиции. Кем, по мнению автора, был Гуссерль: идеалистом, прагматиком, психологистом или релятивистом – пусть даже психологизм и релятивизм критиковались им на протяжении всего творческого пути? Примечательно, но уже от современников Гуссерля в его адрес звучали обвинения в психологизме, аналогичное мнение можно встретить и сегодня.

Стоит отметить, что амбициозный проект немецкого философа потребовал широкого охвата тем и вопросов, принадлежащих различным отраслям теоретического знания. Если же Гуссерль на самом деле видел одной из своих задач практическое осмысление теоретического знания, то почему эта задача так и не была осуществлена им в той степени, в которой того требовал проект Наукоучения? Ведь в какой бы последовательности не совершался переход от теоретического знания к нормативному, а от нормативного к практическому, он неизбежно порождает непреодолимые противоречия, что в общем виде демонстрирует концепция Чистой Логики. Положим, чистая логика нормирует познание, а что нормирует чистую логику? Сам Гуссерль утверждал, что чистая логика, являясь частным случаем теоретической дисциплины, нормирует сама себя. В какой же момент нормирующая саму себя теоретическая дисциплина становится практическим руководством к производству знания? Если автор всерьез считает, что из логических штудий Гуссерля следует признать амбивалентный характер нормативных принципов, вмещающих как чисто теоретическое, так и практическое содержание познания, только потому, что сам немецкий философ стремился это продемонстрировать, следует задать автору технический вопрос: Как одни и те же законы могут одновременно трактоваться в качестве идеальных видов и реальных условий «производства» знания? В конце концов, каким образом производится знание об идеальных видах, если это знание суть норма для производства знания, в том числе и знания об идеальных видах? Пожалуй, дать последовательный ответ на этот вопрос невозможно, поскольку сам вопрос противоречив. В диссертации этому противоречию почти не уделяется внимания, что в свете заявленной темы, кажется серьезным упущением.

Следующее и, пожалуй, последнее замечание затрагивает низкий порог критической рефлексивной линии в основной части диссертационного исследования, это отчетливо видно в работе с такими понятиями гуссерлевской философии как «разум», «интенциональность» и «сознание». Не вызывает больших ожиданий попытка реконструкции некоторых из них, как например, в следующем случае. Автор замечает, что эпизодическое появление в текстах Гуссерля термина «разум» без концептуального сопровождения «может вызвать недоумение» [с. 73-74]. Примечательно, что весь параграф после этого посвящается попытке разыскания смысла в этом «недоумении». Не способствует ясности и работа с цитатами. В одном случае с разницей в несколько предложений приводятся цитаты выдающегося немецкого философа, из которых можно узнать, во-первых, что «...разум не следует разделять на “теоретический”, “практический” и “аксиологический” и какой бы то ни было еще...» [с. 76], во-вторых, что общей задачей для себя как для философа Гуссерль видит «Критику логического и практического разума,

а также оценивающего разума» [Там же]. К слову, вопрос вызывает не различие из приведенных фрагментов, а отсутствие убедительного разъяснения по этому поводу. Вместо ожидаемого критического разбора, автор пишет: «Соответственно, говоря о критике, Гуссерль, по всей видимости, имеет в виду именно разграничение, определение функций и прочие формальные структурные вопросы анализа чего-то единого, а не собственно разделение, разобособление» [Там же].

Особой решительности доводов не обнаруживают заходы на критическое осмысление понятия интенциональности. Указывается, что «целостного» определения данному понятию Гуссерль не предложил. Автор находит тому следующее объяснение: «Возможно, многослойность концепции разума и проецирование этой многослойности на концепцию интенциональности служит причиной затруднительного анализа этого фундаментального понятия, что может быть проиллюстрировано отсутствием единого и контингентного понимания интенциональности в работах самого Гуссерля» [с. 92]. Общее впечатление от первых параграфов второй главы можно выразить так: «Концепция разума многозначна, сознания как такового не существует, понятие интенциональности определить невозможно, но нам хотелось бы верить, что дело обстоит так-то и так-то». Справедливо заметить, заключительный параграф сглаживает недостатки работы с понятиями и демонстрирует компетенции автора в избранной теме.

Также следует отметить, что указанные замечания носят полемический и рекомендательный характер и совсем не отменяют положительной оценки работы. Диссертационное исследование С.В. Бердаус на тему «Соотношение теоретического и практического в феноменологии Гуссерля: аналитический подход» соответствует заявленной специальности 09.00.03 – история философии. Автореферат адекватно отражает содержание диссертации.

Работа отвечает требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, а ее автор, Бердаус Светлана Владимировна, заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история философии.

Старший научный сотрудник
лаборатории логико-философских исследований
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Томского научного центра
Сибирского отделения Российской академии наук,
кандидат философских наук

Г. Г. Антух

20.02.2020

Подпись Г. Г. Антуха удостоверяю
Начальник отдела кадров



Т. А. Копатиенко